

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Городецкий М.В. Онтологический смысл цифровизации: слияние материи и языка // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 7-29. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_7

УДК 111

DOI 10.17506/26867206_2023_23_1_7

Онтологический смысл цифровизации: слияние материи и языка

Марат Викторович Городецкий

Сибирский университет потребительской кооперации
г. Новосибирск, Россия
E-mail: monheim@list.ru

*Поступила в редакцию 23.08.2022, поступила после рецензирования 27.11.2022,
принята к публикации 19.12.2022*

В статье постулируется онтологический, помимо технического и политического, смысл цифровизации. Под цифровизацией понимается информатизация в предельной степени – распространение действия семантико-синтаксических операций на неограниченное число предметов и расширение информационно-языковой области в рамках сущего. Утверждается, что цифровизация – это результирующая генезис мира трансформация сущего как такового, суть которой в слиянии материальной и языковой областей сущего. Автор стоит на объективно-идеалистической позиции в понимании мира. Мир понимается как сущее – логически исчерпывающая объем существующего структура, состоящая из трех областей: материальной, языковой и сознательной. Логика слияния материальной и языковой областей видится в их объединении по отношению к сознанию. Областей становится вместо трех две – объединенная материально-языковая («материоязык», как называет

© Городецкий М.В., 2023

автор) против одной сознательной. Возникает онтологическое неравенство: если прежде в структуре сущего имел место баланс трех гармонично разграниченных областей, то в результате трансформации объединенная материально-языковая область становится безгранично довлеющей по отношению к сознательной. Сознание оказывается «перманентно сдавливаемым» и лишенным собственной области, однако принципиально нередуцируемым онтологическим звеном. Объединение материи и языка производится со стороны языковой области («экспансия языка»). Ключевая идея статьи в том, что язык, по присущей ему как семантической структуре интенции означивания и дизъюнктивного движения детализации определений, «пробивает» саму материю как фундаментальный в сущем уровень семантической однородности и поглощает материальную область. Это пробивание приводит к онтологической замене вещей, как описывает автор, и лишает сознание гармонизирующей границы, образуемой материальным слоем и дистанцирующей сознание от социально-языковой области. Описываемая онтологическая трансформация сущего оценивается как онтология абсолютного зла. Дополнительно к основному выводу затрагивается и подвергается критике проблематика трансгуманизма.

Ключевые слова: цифровизация, сущее, области сущего, язык, материя, сознание, онтология, однородность, значение, трансгуманизм

The Ontological Meaning of Digitalization: Merging of Matter and Language

Marat V. Gorodezky

Siberian University of Consumer Cooperation

Novosibirsk, Russia

E-mail: monheim@list.ru

Received 23.08.2022, revised 27.11.2022, accepted 19.12.2022

Abstract. The article postulates the ontological meaning of digitalization, in addition to the obvious technical and political ones. Digitalization is understood as informatization to the utmost extent, i.e. the extension of the action of semantic-syntactic operations to an unlimited number of objects and the expansion of the information and linguistic area (realm) within existence. It is argued that digitalization is the fundamental transformation of existence. The essence of this transformation is the merge of the material and linguistic realms of being. The author stands on an objective and idealistic position in understanding the world. The world is understood as being – a structure which logically exhausts the capacity of existence and consists of three realms: material, linguistic and conscious. The logic of merging the material and linguistic realms is seen in their unification in relation to consciousness. Instead of three, there are two realms – a united material-linguistic one (“materiolanguage”, as the author calls it) versus a conscious one. Ontological inequality emerges: while there used to be a balance of three harmoniously delimited realms in the previous structure of existence, then as a result of the transformation the united material-linguistic area becomes infinitely dominant in relation to the conscious one. Consciousness turns out to be “permanently squeezed” and devoid of its own area, but a fundamentally irreducible ontological link. The unification of matter and language is carried out from the side of the language realm (“expansion

of language”). The key idea of the article is that language, according to its inherent intention of signification and the disjunctive movement of detailing definitions, “breaks through” matter itself as a fundamental level of the semantic homogeneity and absorbs the material realm. This penetration leads to the ontological replacement of things, as the author describes it, and deprives consciousness of the harmonizing boundary formed by the material level which distances consciousness from the sociolinguistic realm. The described ontological transformation is regarded as an ontology of absolute evil. In addition to the main conclusion, the problems of transhumanism are touched upon and criticized.

Keywords: digitalization, existence, realms of being, language, matter, consciousness, ontology, homogeneity, meaning, transhumanism

For citation: Gorodezky M.V. The Ontological Meaning of Digitalization: Merging of Matter and Language, *Antinomies*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 7-29. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_7

Введение

Цифровизация это не «цифры» и не программирование в сугубо техническом и прикладном смысле. Цифровизация – это прежде всего действие в области языка, то есть семантики и логики, а не техники. Это гораздо более глубокий уровень. Например, оператор колл-центра – не компьютер, но живой человек. Однако в его вопросах присутствует цифровизация. Суть в сведении каких-либо предметов и действий к набору определенных категорий и необходимости строго дизъюнктивного выбора между ними. Решение производится только тогда, когда на каждом уровне делается выбор одной категории вместо других. Если же проблема требует комбинации параметров, выхода на более общий, не заданный алгоритмом уровень, когда нужно объять проблему, *догадаться, понять*, применить интуицию в решении, то есть разум в его настоящем смысле, то с большой вероятностью последует ответ «к сожалению, мы ничем не можем вам помочь». Этот же принцип действует в тестовой системе современного образования, и все это происходит не в компьютерной программе, а в сознании людей.

Можно сказать, что цифровизация – это предельная информатизация: экспансия значений и действий выбора, подчинение всех предметов, ситуаций и действий некоему универсальному дефинитивному кодексу, некой единой системе значений, а в итоге – замена этой системой мира предметов, мира как такового. Именно семантические и синтаксические акты обозначения и определения (кодирования), в чем математические алгоритмы («цифры») являются лишь средством, суть цифровизации. Идея – замена предметов логическими формами, причем принципиально новыми. Некие логические действия и программы вместо предметов – вот суть.

Замена предметов не простая мысль. Может возникнуть впечатление, что речь идет о «виртуальной реальности», о чисто техническом дополнении реальных вещей имитациями, как это изображается в фантастических сюжетах (принципиально в этих сюжетах, что вещи остаются существующими как таковые, и в них можно вернуться). Нет, дело не в технике, но в семантике

и логике, то есть в самом языке – в том, что в итоге происходит в сознании людей, причем не в специальных, но в обычных (или кажущихся обычными) условиях. А это означает совсем другую, более глубокую ситуацию. Вещи, то есть предметы и явления, не дублируются технически и как бы снаружи, они меняются онтологически и изнутри, на уровне их существования.

Вообще, когда к цифровизации относят сугубо технические обстоятельства – «интернет вещей», повсеместные датчики, маршрутизаторы, различные нано- и биоустройства, технологии, смысл следует видеть не в том, что это облегчает и ускоряет решение каких-то рабочих и бытовых вопросов, «помогает жить». И даже не в том, в рамках альтернативной версии, что это нужно для тотальной слежки, сбора информации, учета и контроля, что опять-таки предполагает какую-то пусть политически отрицательную, но человеческую, *онтологически обычную* цель. Дело не в политическом контроле и не в облегчении вещей, равно как и не в виртуальном дублировании (где вещи остаются, дополняясь имитациями), но, повторим, в онтологической трансформации предметов как таковых – в изменении их самих, как они существуют. Именно эту, *онтологически необычную* цель мы имеем в виду и собираемся раскрыть.

Сущее: язык, материя и сознание

Сначала нужно ответить на вопрос: что мы имеем в виду под вещами? Ответ: физические и социальные предметы и явления, то есть материальные плюс экономические и политические. Иными словами, все существующие предметы за исключением образующих область сознания. Это необходимо пояснить, поэтому раскроем используемую парадигму по поводу внутреннего деления сущего.

Сущее (мир) – это все предметы и явления, о каждом из которых есть основание утверждать, что он/она существует. Иными словами, семантически неразрывно связанные (тождественно: существующие) предметы и явления. Это означает, разумеется, не только физические предметы, не один лишь физический мир, но полную совокупность существующего – то, что морфологически наиболее точно и выражается термином *сущее*. Парадигма в том, что сущее внутри себя подразделяется на физическую (материальную), социальную (языковую) и сознательную области. Это значит, что предметы и явления, о существовании которых есть основание утверждать, обязательно классифицируются по способу существования либо как физические (материальные, имеющие пространственные параметры), либо как социальные (существующие в коммуникации, а не в пространственных координатах), либо как сознательные (психологические, образные). Например, стол и электромагнитные волны – физические явления; инфляция, право, Болонский процесс – социальные, существующие в рамках коммуникативных цепочек; эмоции и представления – сознательные, существующие в качестве образов. Важно, что не смешиваются физические (материальные) и социальные, а также социальные и сознательные явления, поэтому областей три, а не две («материальное и духовное бытие»).

На трехчастном вместо двухчастного делении сущего основывается выводимая далее идея. Смысл в том, что социальная, то есть языковая, область поглощает материальную, это и есть *онтологически необычная* цель. Раскроем эту кажущуюся фантастической мысль.

Языковая область сущего (как область семантики – как структура значений, как сам язык) занимает в нем центральное место. Само существование это не что иное, как семантическая связь (событие, факт) и место – место по смыслу среди других предметов. Если предмет по своему смыслу, какими-то своими признаками или действиями связан с другими, значит, он существует, имеет место. Мы принимаем, например, визуально воспринимаемое за существующее, потому что визуальная данность означает (семантически имеет) связь со светом, а если предмет связан со светом, который существует, значит, и этот предмет существует. Даже без перехода к напрашивающимся эпитетам вроде хайдеггеровского «дома бытия» можно добавить, что теоретическое познание как таковое, то есть логическое, семантико-синтаксическое движение, открывающее ранее неизвестные существующие связи и предметы, есть следствие центральной роли языка в сущем, следствие того, что сущее в его основной части это язык, семантическая структура¹.

Проблематичным в рамках философского генезиса и ключевым в этом вопросе является положение материальной области, то есть материи как таковой. Во всей философии начиная с Аристотеля и далее в естественной науке материя понимается как фиксируемая в предметах физического мира принципиальная универсальная однородность или множественность (у Аристотеля она объединяется в предмете его сущностью – формой). Проблема в том, что эта множественная однородность не поддается означиванию, за ней нет значения. Свидетельством является любой перцептивный акт. Когда материя дана в восприятии, она фиксируется на уровне элементарных перцептивных качеств предметов, например, «зеленое», «гладкое», «гулкое», «сладкое» и т.п. Особенность этих качеств в том, что их логически нельзя объяснить – это и есть отсутствие значения.

Когда предмет или качество имеет значение, то можно сказать, что это значит, то есть выстроить положительную связь с другими значениями и сформулировать тезис. Стол имеет значение: предмет мебели с твердой ровной горизонтальной поверхностью, соразмерной рукам и на уровне рук. А вот «зеленое» не имеет значения, буквально. Что такое зеленое? Можно только пальцем показать и далее опираться на некую, лишь на пальцах действующую конвенцию, образующую суррогат значения. Семантическая структура, то есть язык, здесь не действует, а необходимость конвенции, то есть какого-то механического засвидетельствования, означает не что иное,

---

¹ Можно сказать, что мир понимается в этой статье совершенно по-гегелевски, как абсолютная логическая структура, что является, впрочем, не специфически гегелевским взглядом, а общефилософским постулатом, начиная с Платона; философия, если не смешивать с софистикой и позитивизмом, это наука об абсолютной логической структуре существования.

как фундаментальную остановку, границу его действия. Вот эта граница и есть материя, и об этой границе идет речь, в ней заключается дело.

Перцепция как акт, фиксирующий материю как границу языка, это элементарный, но логически частный случай. Материя это не только перцепция, не только «зеленое» и «твердое». В электромагнитной волне нет перцепции (образующих восприятие качеств), но материя есть. Что имеется в виду? То, что выводится в выходящей за пределы перцепции естественной науке, экспериментально и в конечном счете математически, и в чем обнаруживается то же самое пограничное, не пускающее далее значение – однородность. В том или ином, конечно, не перцептивно, но абстрактно понимаемом виде, и в чем подразумевается некое формульно фиксируемое повторяющееся значение, *масса*, то есть какая-то множественная однородность. Однородность в виде определяемых в пространстве единиц и форм, в виде действий (сил) и в конечном счете в виде чистого пространства¹. Что такое пространство? Это абсолютная однородность. А что такое однородность? Симметричность, повторение, протяженность, пространство. Это такой же «не пускающий» («апостериорно априорный») предмет, как и «зеленое».

Вопрос о материи приводит к пограничному значению, образующему некую стену и как бы огибающему язык. Однако областью это только кажется, на относительно где-то большем, где-то меньшем смысловом расстоянии от этой стены. Природа, физический мир, стол, дерево, электромагнитные волны, планеты, звезды, атомы, кванты, все это, на самом деле, звенья семантической системы и, в конечном счете, язык. Это тоже коммуникация, система действий-тезисов, вопросов и ответов, которая видится отдельной от языка областью только потому, что за каждым ее звеном (в отличие от инфляции или Болонской системы) прослеживается или прямо стоит, иногда очень близко, вот это пограничное звено, стена, *материя*.

Вот мы поворачиваем взгляд и видим дверь. Выстраивается (очень быстро, однако в рефлексии можно выделить моменты) цепочка: пятно, четырехугольник, желтое, деревянное, твердое и т.д. Каждый из моментов в переходе к следующему содержит определение (определенность) и соответствующую дизъюнкцию, например: пятно – ограниченная область, правильной либо неправильной формы; правильная форма – геометрическая фигура, округлая либо многоугольная; многоугольная – состоящая из углов определенного числа – от трех и выше; четырехугольник и т.п. В выстраиваемых цепочках образуются некие итоговые значения (желтое, твердое, четыре, угол и т.д.). А на уровне каждого этих значений открывается внутренне тождественное, то есть содержащее смысловую однородность качество (как будто это еще одна цепочка внутри, но не из дизъюнктивных, а повторяющихся звеньев, вроде А-А-А-А). Однородность указывает на то, что значение не расщепляется, и цепочка останавливается. Желтое,

¹ Неисчислимые в своем множестве и абсолютно одинаковые частицы в пространстве – это множественная однородность; само пространство как геометрическое множество мест (точек) – это множественная однородность.

твердое означают – предмет выстроен, дальше «вилки» нет, дизъюнктивно двигаться некуда, «спрашивать» не о чем, конец цепочки. Вот эта более чем априорная (нечто гораздо более твердое, чем какое-либо априори), ассерторическая однородность значений фиксируемого предмета (на расстоянии протянутой руки или в математических выходных данных некоего эксперимента, на уровне уравнений) и есть материя – спасительная, образующая фундаментальную границу сущего линия, точнее, поверхность. Спасительная потому, что она останавливает язык, необходимость вопроса, уточнения, определения, выбора.

Мы находимся в окружении материальных вещей, которые имеют форму, цвет, тактильные и прочие перцептивные значения. Округлость, голубизна неба, зелень травы, твердость, мягкость, сыпучесть, текучесть поверхностей и масс. Фундаментальная роль этого уровня сущего заключается в том, что эти значения образуют устойчивый, логически ровный уровень, на котором останавливается, становится далее ненужной верифицирующая и дефинирующая деятельность языка, движение вопросов и ответов, дизъюнкций и определений. Здесь нет ошибки: именно деятельность языка, а не сознания. И именно потому, что останавливается язык, начинается, становится возможным сознание.

Сознание есть все то, что мы имеем возможность фиксировать и выстраивать, не думая о вещах и вопросах – после того, как вещи выстроены и ответы на вопросы даны. Сознание – это *свобода*, это бытие вне физических и социальных сигналов и команд, вне коммуникативных цепочек и дизъюнктивных связей; это сами предметы, которые (когда они) мыслятся – выстраиваются не изнутри цепочки, но иницируются поверх нее, свободно, вне необходимой коммуникации. Можно сказать, это внешнеобходимое мышление, что означает, в рамках понимания самого мышления как существующего, а не несуществующего – внешнеобходимое (неподвластное) бытие.

Сознание не язык. Сущностью языка является коммуникация (в предельно широком смысле, включающем физическое взаимодействие), то есть логическая связь – связь между сигналами, причинами и следствиями, между смысловыми элементами в понятиях и тезисах, и далее на этой основе связь между вопросом и ответом, порождающая связь между коммуникантами в привычном смысле слова «коммуникация». Когда в каких-то предметах обнаруживается логическая связь, эти предметы как совокупности признаков внутри этой связи становятся языком. Сами конъюнктивно-имплицативно-тождественно-отрицательно-дизъюнктивные цепочки между признаками и предметами, непрерывно выстраиваемые и движущиеся как последовательность команд, как коммуникация в настоящем смысле слова, как связывание, есть язык. Язык – это тезис, это вопрос «почему» («вследствие чего» и «что это значит») и логически адекватный ответ/переход. Химическая реакция в недрах, образующая выброс вещества и толчок земной коры, сдвигающий камень, летящий в дерево – язык. Обусловленный полученной информацией властный

указ, перераспределяющий финансирование (сигнально-символическое движение), образующее команду закрыть предприятие, следствием чего становится далее решение о протесте – язык. Сознание же – это то, что «внутри» или «в стороне» от этой всеобщей неразрывной физической и социально-коммуникативной связи. Точнее: по ту сторону коммуникации, в *отталкивании от* материи как границы.

Сущностью сознания является кантовское трансцендентальное воображение, «слепая функция души» (Кант 1994: 108), чистая перцепция – связь, лишенная необходимости, аподиктически имплицативной логической (= рассудочной) или эмпирической основы; спонтанная (чистая) связь, но при этом не бессмысленная и поэтому обладающая бытием. Это такая позиция, которая позволяет нам всегда находиться *наверху*: поверх мышления, коммуникации, восприятия. Это даже не мышление как категориально-логическое движение понятий, которое является продолжением коммуникации, равно как и не воля с подчиненным ей фантазированием, но различные, постоянно и независимо от воли представляющиеся предметы, находясь в ряду которых мы и чувствуем себя «в сознании». Это когда «вдруг вспомнилось», «вдруг возникла мысль», «вдруг пришла в голову неизвестная мелодия» – из-за чего вспомнилось, откуда возникла, от кого пришла? Некий уровень, со стороны которого или в постоянном переплетении с которым мы мыслим, воспринимаем и действуем. И это не какой-то психологический трюк или что-то исключительное, вроде озарения, но онтологически постоянно действующая связь, встроенная в семантику, и без которой невозможно само сознательное существование. Наше существование как сознательных существ и наша свобода в качестве таковых есть эта связь.

Она действует в обычных семантических конструкциях, которыми пронизан язык: «ядро генома» (геном – это орех?), «рваное облако» (облако из ткани?), «инфляционный скачок» (скачет, но не животное), «тело долга», обладающие каждая не ошибочным, но проникающим (интендирующим) сквозь составляющую их семантику значением – некой выходящей за рамки связываемого, но осмысленной, *синтезирующей* связью. Гуссерлевский пример «золотая гора» (Гуссерль 2001: 62) из этой же категории. Да, эти примеры языковые, не «чисто сознательные», не трансцендентальная перцепция, но они специфически пограничны между языком и сознанием и демонстрируют ее действие (сформулировать в тексте полностью подходящие примеры, пожалуй, невозможно). Настоящим, но заведомо неточным, не сводимым к конкретным предметам¹, проявлением этого действия является свободный поток представлений. В отвлеченном от восприятия, рассуждений и переживаний состоянии (например, предшествующем сну) сознание «видит» произвольно возникающие образные предметы, фиксируемые, однако, в отличие от сновидения, как отдельные от объективной реальности (лишь иногда эти предметы доступны в определении, в случае

¹ Единственным конкретным и доступным в указании, однако не в раскрытии, предметом является, пожалуй, музыка.

чего и наблюдается пограничная ситуация, только не со стороны языка, а со стороны самой трансцендентальной перцепции). Важна абсолютная беспредпосылочность в содержании и последовательности этих предметов. Они генерируются ниоткуда и ни из-за чего (никакой связи с недавно или даже относительно давно пережитым опытом). Важно также отсутствие генезиса, его абсолютно невозможно наблюдать – предметы не строятся, не «разворачиваются» (как в восприятии), возникают/исчезают импульсно, вне внутреннего времени. В этой беспредпосылочности и импульсности онтологически заключается образующая сознание аутогенерирующая смысловая сущность (пожалуй, эту генерирующую сущность имел в виду И. Кант, и к ней же пытался выстроить путь в научно-дескриптивных формах Э. Гуссерль).

Свободное, то есть содержательно независимое от материальных данных и логических операций, движение и сочетание перечисленных предметов и подобных им есть сознание и есть, повторим, сама свобода. Иными словами, когда мы говорим «сознание», «в сознании» («я», «мне»), мы имеем в виду эти и таким образом движущиеся предметы, свободные от командно-сигнальных рельсовых путей и их дизъюнктивных стрелок. Источником этого внестрелочного движения является некий чистый внешне направленный переход, некая принципиально утверждающая и отрицающая, как бы пульсирующая (вперед/назад) сила, которая, скажем образно, подобна пламени. Целью мира языка является не то чтобы потушить (это онтологически невозможно и бессмысленно), но сжать этот запертый в темнице, имеющий границу и остающийся внутри нее живым огонь – пробить границу и включить находящееся за ней свободное движение огня в свою орбиту, сдвинуть пламя в точку, лишить его пространства пульсации и заставить гореть внутри.

Граница – это материя, оболочка однородных, не пускающих значений, которые останавливают движение языка, заставляют стопориться (как «заедающий» звук в старых проигрывателях) его звенья и блокируют дизъюнктивные вилки-стрелки и тем самым делают возможным, независимым от этих жестких форм движение сознания, ограждают его от них, оставляют ему место. Представьте огромное дерево: вот его ствол и миллионы, от больших к меньшим, множущихся от уровня к уровню ветвей, пронизывающих и расчерчивающих пространство, но в самом конце, на самом верху в каждом из направлений заканчивающихся листьями и останавливающимися на образующей общий контур дерева линии. Дерево – язык, материя – листья и линия.

Пробивание границы

Пробивание границы – это и есть замена вещей, онтологически «необычная» цель. Это такое комплексное технически-логическое воздействие, которое разрушает однородность в материальных значениях, разбивает эту однородность и заставляет значения дизъюнктивно ветвиться и вступать в информационно-тетический поток, в движение коммуникации, выбора,

определений, решений, уточнений, обмена, насильно садит их в этот поезд – но уже не в направлении к сколь-нибудь разумной и «человеческой» цели (ее нет, потому что материи нет), а по кругу, без конца. В процессе чего эти значения, то есть сами материальные свойства вроде белого, твердого, устойчивые и кажущиеся незыблемыми, безусловными, сначала некоторые, затем все перестают быть таковыми. Сознание пытается остановить этот круг, найти выход, границу, чтобы найти себе место, чтобы были предметы вне круга, те сознательные предметы, в свободном движении которых есть оно само – но границы нет.

Попробуем очень условно и несколько художественно описать эту ситуацию. Человек утром протягивает руку к зубной щетке. «Выберите модель зубной щетки». Определяет модель. «Выберите цвет». Выбрал. «Уточните оттенок». Такой-то. «Подтвердите номер оттенка», «определите размер щетинок», «выберите материал» и т.д. Будучи почти доведенным до нервного срыва, человек получает-таки возможность почистить зубы, но находится непрерывно, круглосуточно на грани невозможности существования, он непрерывно движим расточающими сознательную энергию коммуникативно-физическими дизъюнкциями, коммуникацией вещей («умными вещами»), он горит этим движением, он в аду. Точнее, он не горит (он не сам это делает) – он поддерживается в состоянии горения, *поджигается*, медленно и никогда не доходясь до гибели (иначе кто дальше будет гореть?). Добавим существующий кинематографический образ, в котором психологически выразительно, хотя на другой фактуре и издалека, фиксируется эта ситуация: сцена выбора цвета стен героиней «Адвоката дьявола».

Зададимся теперь вопросом, а что происходит под лозунгом цифровизации чисто технически (в широком смысле, включая политические действия, проводящие в жизнь технологические решения)? Происходит следующее: наряду с ранее развившимся программированием, то есть организующим и управляющим воздействием на разнообразные материальные объекты неживой природы посредством кварцево-металлических устройств и электромагнитных сигналов, возникла возможность программирующего воздействия на биоматерию, и это происходит параллельно с многочисленными в течение десятков лет заявлениями и официальными документами по поводу целей вроде «прямого беспроводного контакта мозга человека с окружающими его предметами»¹. Речь не о встраивании в живую материю чуждых ей, минеральных по природе устройств. Если бы дело было только в этом, то, пожалуй, эта статья не была бы нужна, а к вышеприведенному рассуждению про пробивание материи и сжатие сознания можно было бы отнести как к околофилософской фантастике. Речь идет об обстоятельстве и элементарно вытекающем из него выводе, кото-

---

¹ Приказ Министерства промышленности и энергетики РФ от 07.08.2007 г. № 311 «Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности России на период до 2025 года» // Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/191853/> (дата обращения: 22.08.2022).

рый, соединяясь с предыдущими рассуждениями, означает действительно невиданный, колоссальный смысл происходящего, заставляющий содрогнуться всю философию во всей ее истории.

В самой живой материи, на уровне ДНК, взаимодействующих с нею молекул и излучений, осуществляются программирующие действия. Чтобы этот тезис не показался неподготовленному читателю голословным, сошлемся на пример, которым является успешная научная работа по электромагнитному управлению поведенческими реакциями мышей на уровне молекул клеточных мембран (Stanley et al. 2016)¹. Суть в том, что к мембранам нервных клеток прикрепляются векторно инъектируемые белковые молекулы, которые действием подобранного излучения открывают/закрывают определенные «ворота» в этих мембранах, чем регулируется (по команде включил/выключил) чувство голода у подопытного существа и соответствующее поведение. Это настоящее внутреннее программирование биоматерии, управляющее поведением.

Что означает программирование биоматерии чисто логически? Если наряду с ранее возникшим программированием неживой материи программируется живая материя, причем не извне, а изнутри, на уровне ее собственных элементов, то логически получается, что в принципе программируется вся материя, во всем объеме этого понятия – *материя как таковая*.

Что значит программирование? Это сигнально-командное действие, коммуникация по типу запрос/ответ, то есть создание информации, сообщений и команд, генерирующих последующие действия, свойства и предметы (комплексы свойств) в дизъюнктивно-имплицативной цепи, то есть это действие семантической структуры, действие языка.

Соединим эти позиции: «программируется материя как таковая» плюс «программирование – это действие языка». Получается: материя как таковая попадает под действие языка. Можно было бы сказать, что стирается граница между материей и языком, но точнее будет сказать следующее: материя, как онтологически недоступная прежде языку граница, становится доступной ему и включенной в него. То, о чем мы рассуждали выше, осуществляется технически и политически, в реальном, историческом движении мира как семантической структуры.

Этот вывод мы без преувеличения назвали заставляющим содрогнуться философию. Он означает не что иное, как слом трехчастной структуры сущего, трансформацию сущего как такового. Во всей истории философии идея *генезиса сущего*, происходящего изнутри него самого, то есть без религиозных интерференций, была развернута в наибольшей мере, с включением всех аспектов бытия – природы, истории и сознания, у Гегеля. Сущее само по себе, в комплексе своих областей у него целенаправленно и конечно. После него и на его основе эта идея,

---

¹ См. также: Gibbs W.W. 2017. Flipping a Switch Inside the Head // The Rockefeller University. 01.04.2017. URL: <https://seek.rockefeller.edu/flipping-a-switch-inside-the-head/> (дата обращения: 22.08.2022).

являющаяся одной из наиболее значительных в философии, была продолжена, например, в русской философии В.С. Соловьевым и Н.Ф. Федоровым, однако уже с интерференциями в религиозную сторону. Но ни саморазвитие абсолютного духа, ни движение к всеединству или научно-цивилизационному воскресению, ни одна из этих грандиозных и даже фантастических философий не идет ни в какое сравнение с тем, вывод о чем приходится делать нам.

Ни в одной философии не было идеи катастрофической трансформации сущего (не путать с эсхатологическим концом). И у Гегеля, и у его последователей было целенаправленное разворачивание сущего, подразумевающее онтологически высшее, гармоничное и синтезирующее состояние. В нашем случае имеет место не синтез и гармония, но противоположность им – слом фундаментального баланса областей сущего, его перекраивание и критический, онтологический крен при продолжающемся существовании (как будто в здании наклонили все перекрытия куда-то вниз, но без его разрушения – с подвижным центром тяжести), образующий бесконечное падающее движение, генезис антигармонии и ужаса.

Дело не в том, что материя «подчиняется», дело в том, что она как таковая, как онтологическая граница между языком и сознанием, исчезает. Можно сказать, что исчезает язык, он перестает быть сферой логики, конечных значений и смыслов, той логики, которая была в мире трех областей, которая есть *разум*. Язык перестает быть логосом, разумом, он становится *материоязыком*, ничем не ограниченной системой бесконечно порождающихся значений – без смыслов, без целей, во всяком случае, без целей и смыслов в привычном, разумном их понимании.

Смотреть на траву, но не видеть зеленое. Говорить с человеком о простых вещах, но не иметь возможности оттолкнуться от взаимно интуитивно ясных значений и обрести общее понимание. Вместо этого что-то определять и считать, уточнять и фиксировать, и платить самими этими внутрисознательными действиями – делать элементарный перцептивный и сознательный процесс включенным в некую чудовищную экономику, *инклюдироваться* (все включено: абсолютно все подлежит счету, каждое, квантовое сознательное движение – деньги). Кажется, что этого не может быть, что это фантастика и безумие. Но это уже происходит на начальном этапе, в развивающем эту стратегию разрушении базовой смысловой структуры, и доступно в наблюдении.

Приведенный в начале статьи пример с оператором не специфический и исключительный, но в принципе, по своей схеме, повторяющийся феномен. Часто приходится, разговаривая с человеком, сталкиваться с ощущением, будто разговариваешь с программой или даже не с программой, выполняющей какую-то известную работу (или обязанность, как в случае с оператором), а с коллажем из ответов, которые человек подбирает не по смыслу, а по каким-то сигнальным признакам. Как будто человек – это не смысловое и в этом традиционном значении языковое и разумно-социальное существо, непрерывно и живо направленное на выявление настоящих и конечных смыслов, то есть истины, а попугай, комбинирующий

бессмысленные для себя сигналы. Как будто дело не в смыслах, а в выборе подходящих пунктов из имеющегося модульного набора¹.

Массовым феноменом является неспособность выделения сущности в событиях и словах. От этого люди часто не видят абсурдность, в принципе не пользуются этим критическим критерием («это же абсурд!»), когда происходит или утверждается, навязывается что-то неразумное, противоречащее смыслу и логике. Это происходит не на индивидуальном и психологическом, а на социальном уровне, в массе случаев. Разворачивание самолета из-за не надетого аксессуара на лице у ребенка или набрасывание с дубинками на сидящего в одиночестве в парке из-за того же само-го; неспособность читать определения и произвольно обывательское использование важных медицинских понятий при принятии общественно значимых решений; провоцирующая столпотворение блокировка дверей в месте постоянного движения людей (пожарные потребовали); не вентилирующиеся форточки в поездах и 35-градусная жара с обмороками и серьезными приступами у пассажиров, потому что есть *вероятность* высывывания в форточку. Вообще, удручающая массовая неспособность к смысловой пропорции: соотносить количественно и вероятностно, то есть по объему, проблему и действие, цель и средство, «что мы делаем»/«почему и ради чего мы делаем». Люди как будто перестают быть разумными, становятся просто выполняющими команды («нам так сказали») существами.

Отметим отдельно характерную (несколько в духе М. Фуко) идею, ставшую в событиях 2020–2021 гг. массовой позицией в масштабе человечества. Это идея полной подчиненности тела человека обществу. Тело перестает быть чем-то в принципе не общественным. Позиционируется, что оно становится полностью, без каких-то собственно ему присущих преград и каких-то лично человеком устанавливаемых критериев, кроме формальных и по сути фиктивных, зоной действия общественных решений, соответствующих команд и манипуляций. Общество решило, чиновник объявил, и человек должен не своей личностью, не действиями, а своим телом, его внутренними элементами дать ход команде. Это принципиально отличается от подобных случаев в предыдущей истории. Принципиально то, что тело используется не косвенно, как инструмент насильственного принуждения к какому-то сознательному действию (как в рабстве или тоталитаризме), а само по себе, своими элементами. Значение этого обстоятельства мы видим в следующем. Тело есть наиболее важный материальный объект, объект номер один, не по какой-то этической причине, а онтологически, по структуре существования. Переход обществом, как коммуникативной системой и областью, важнейшей онтологической и экзистенциальной границы, образуемой телом как материальным объектом самим по себе, очень выразительно соответствует стратегии поглощения материи языком.

---

¹ Это уже имеет место в современных образовательных тестах, а также в официальных и научных выступлениях в виде чередующихся комбинаций вербальных «модулей» («инновационная интеграция системы для системной трансформации», «экосистема инноваций и экология мысли» и т.п.), не содержащих почти никакого смысла.

Укажем на еще одно характерное явление, находящееся в контексте разрушения базовой смысловой структуры. Это специфический буквализм, распространившийся в работе с различными документами и уже проникающий в устную коммуникацию, когда языковое выражение понимается исключительно буквально, на уровне означающих – как будто нет значений, или как будто значением являются сами буквы в их чисто синтаксическом, а иногда даже не синтаксическом, а геометрическом сочетании. Нельзя в тексте рабочей программы учебной дисциплины, в графе «формируемая компетенция» написать «способность делать то-то», то есть поставить слово способность в именительный падеж. Почему? Потому что в исходном документе говорится «обладать способностью», и учебно-методический отдел, требуя воспроизводить формулировку с буквальной точностью, отклоняет в конструкции «компетенция – это способностью» естественное, правильное и необходимое с точки зрения классического языка исправление творительного падежа на именительный. Смыслы не важны, важны буквы, точки и пиксели. Важна внесмысловая «точность» (пиксельность) расширяющейся таким путем, пожирающей смыслы командно-сигнальной системы, важен экспансирующий, «цифрующий-ся» язык, который не является уже языком как логосом, но является развивающейся универсальной материоязыковой программой. А смыслы и язык в его классической роли как разумной смысловой структуры уже не важны. Сам вопрос о смыслах («а что это значит, в чем суть?») все чаще вызывает насмешку («какая разница, сказали – делайте!»), сама привычная рациональная позиция в принципе игнорируется, как будто самого понятия смысла уже нет.

Смыслы – это окончательные значения. В приведенных примерах смыслы деструктурированы, сама идея смысла разрушена в мышлении коммуникантов. Социальные действия, производимые в такой коммуникации, образуют в принципе другое коммуникативное измерение, не смысловое, которое всегда конечно и направлено на результат, выстраивание позитивной (по умолчанию) границы для сознания, но такое, которое заставляет сознание «терять почву», недоумевать, задавать следующий вопрос, не дает остановиться и заставляет продолжать коммуникацию там, где это никогда не было нужно, и что в принципе не нужно по природе вещей – и в итоге взламывать эту природу, заставлять сознание соглашаться ее отдавать, отступать и внутренне сжиматься.

Взлом естественной структуры, называемой разумом, логосом, рациональностью, структуры устойчивого деления по областям, не допускающей безумных (с ее точки зрения) тезисов «третий пол», «борода у женщины» за исключением аномалии, взлом смыслового пласта естественности – необходимая тактика языковой экспансии. Превратить естественное, гарантированное, константное, понимающееся, не подлежащее обсуждению в предмет вопроса и дизъюнктивных вариантов, среди которых далее возможно любое безумие, безумие тем большее, что оно не психологическое, а онтологическое – путь этой экспансии.

Замена вещей и трансформация сущего

По приведенным примерам может показаться, что мы говорим теперь о чем-то другом, чем прежде, не о вещах и материи, а «о смыслах» как какой-то чисто коммуникативной и гуманитарной, «философской» проблеме. Может показаться, что о самой трансформации сущего речь идет тоже в каком-то сниженном, гуманитарном смысле. Нет, речь идет о смыслах и значениях, о поглощении материи и онтологической трансформации не на гуманитарном и условном, но на предельно фундаментальном уровне, именно на котором обнаруживается финальный предмет нашего рассуждения – онтологическая замена вещей принципиально иными логическими формами.

Замена вещей это не имитация этих вещей, не уподобление им. Многие люди могут думать так (опишем предельно простыми словами): будут виртуальные, «цифровые» предметы, такие же, как прежние, но ненастоящие; «цифровые» небо, земля, города, как в компьютерной игре; будем там, подключенные, ходить и жить, раз так получается, раз так сказали «специалисты» – ну и ладно. Мы считаем, что такие мысли это не то чтобы наивность, это концептуальная ошибка.

Сам принцип преодоления материи и включения ее в язык подразумевает – с логической необходимостью, с неизбежностью на уровне самой стратегии этого преодоления в виде трансформации базовой структуры сущего – смену самих присущих предыдущей онтологической структуре категорий вещей. Вот что такое замена. Не замена зеленого виртуальным зеленым, а замена зеленого, твердого, голубого, белого, самих травы, земли, неба, облаков, горизонта, стоящих на земле домов, пространства, дней, часов, времени, мужчин, женщин, самих людей чем-то настолько другим, что бессмысленно как-то пытаться описать (описать – значит свести к категориям и качествам известных вещей, поставить в ряд с перечисленным, и вот это как раз здесь невозможно). Это замена самих качеств вещей и самой их семантической номенклатуры на совершенно другую систему, другой мир. То есть замена вещей – это не изменение в каком-то мягком, коннотативном, культурологическом ключе (вроде «древние люди видели мир по-одному, мы по-другому, а потом еще как-то»), в котором остается неизменным слой фундаментальных означаемых, но замена самих этих означаемых в совершенно другой «операционной системе», в другой программе.

Суть этой другой программы в том, что на уровне устройства областей (объединения двух в одну против третьей) она принципиально дисбалансирована, в отличие от предыдущей, и поэтому принципиально динамична – она есть существование в непрерывном выстраивании и движении, она бесконечна. Она пульсирует, то есть меняет темп, что можно понимать как технические остановки, позволяющие сдавливаемому сознанию оставаться на грани существования/невозможности существования (срыва в безумие), но она не позволяет ему видеть однородность и, находясь в состоянии фиксации однородности вещей, свободно (собственно) пребывать.

Вследствие дисбаланса структуры и получается, что никакие конечные («понятные») значения невозможны. Когда мы что-то называем вещами, мы имеем в виду принципиально конечные конструкции, и в этом заключается прекрасный, спасительный смысл «вещей». В новой структуре эти конструкции заменяются бесконечными по самому своему принципу логическими формами. Более того, не только вещи, не только «деревянный стол», «зеленая трава» и «голубое небо», но и абстракции, вроде времени, пространства и прочих априорных и операционных форм принципиально в ней невозможны. Априорные формы отменяются в мире новых вещей, они как бы развязываются в бесконечные нити, перестают в прямом смысле слова быть «формами». Это «мир» – нет, не мир даже в кавычках – это структура без сущностей и качеств, без количеств и отношений, без пространства, без времени, без мира¹.

С точки зрения сознания, которое в этой структуре остается, но лишается области, помещаясь в «место без места», превращаясь в безмерную, однако живую и постояннодвигаемую (падающую) куда-то точку, на которую более чем непрерывно, именно вне времени направлены ничем не ограниченные коммуникативно-сигнальные акты, на которые оно вынуждено отвечать – эта новая онтологическая структура может заведомо определяться как ситуация вневременного и абсолютного напряжения, ненахождения, страдания.

Может возникнуть (вновь возникнуть) вопрос, как все это возможно технически? Вот стол, комната, дом, планета, пространство – как все это может материально перестать быть? Мы говорили в начале статьи про сигнально-командную, информационную сущность материальной области, онтологическое отличие которой от языка в нашем мире заключается в однородности качеств, обязательно обнаруживаемых в предметах этой области. Как только мы доходим до уровня однородности, мы говорим – материя. На уровне однородности означающее движение языка останавливается – он не может сделать содержащие ее качества значениями. Это образует границу, даже буквально, геометрически – поверхность, которую мы и фиксируем как стол, комнату, планету и т.д. Внутренняя ловушка, слабое место этой границы (прежде об этом не шла речь) в том, что у нее есть синтаксическое значение – симметрия, конъюнкция – изнутри которого ее можно раскрыть. То есть получается, что на этом уровне у нее есть – она сама есть – значение. Это и образует потенциал взлома, пробивания этой границы, путем, скажем так, подбора ключей и шифров на предельно глубоком уровне ее внутренне сложного, очень дифференцированно действующего в природе устройства.

Эти подбор и расшифровка, включающие чисто естественно-научные и математические опыты и процедуры, и есть техническая часть работы. Напомним про упомянутый выше опыт с мышами и молекулярно-

---

¹Теперь можно видеть, насколько приводившийся ранее пример с зубной щеткой условен и даже неверен: он слегка моделирует лишь психологический аспект описываемой ситуации и совершенно не выражает ее онтологический масштаб.

программирующее воздействие на живую материю и материю как таковую. Надо понимать, что какие-либо естественные сущности, объекты и явления, молекулы, кванты, величины, силы, координаты – все это есть не что иное, как язык. В прямом смысле: когда ученый-естественник имеет дело с наблюдаемыми им объектами, он имеет дело со знаками, причем в тем большей степени абстрактными, чем более физически фундаментальными являются эти объекты. И представим теперь объединение этого языка с естественным (историческим) языком, представим некий общий универсальный, «глубинный» синтаксис, который сливает воедино кванты и естественно-языковые значения и позволяет ими оперировать и комбинировать в какой-то невиданной семантике. Это и есть экспансирующий язык, поглощающий материю, материоязык, как мы назвали это ранее, которому ветхая, предыдущая, прежде останавливающая и образующая мир граница и все связанные с нею операционные («априорные») понятия – уже не преграда. Человек с инъектированными элементами, преобразующими на уровне физических частиц работу нейронов, всех обеспечивающих перцепцию клеток и функций, видит совершенно иные, чем в нашем мире, качества и вещи, другие измерения, его сознание соответствующим образом трансформируется (и это происходит вполне «технически») и ловится этими измерениями – и человек действительно, онтологически (в комплексе материоязык + сознание) в них оказывается. Это и есть результат, когда сами категории, которые мы используем, говоря «предметы», «элементы», «качества», «сущности», «пространство», сменяются другими.

Конец времени и «исчезновение» Homo Sapiens

Более важный и, пожалуй, концептуально критический, несколько выходящий за рамки вопрос. Если мы говорим «трансформация», «стратегия», «замена вещей», в чем семантически подразумеваются целенаправленные действия, то хочется наивно спросить, и именно так приходится спрашивать: кто это делает и, главное, зачем?

Мы разрушили бы одним движением все предыдущие рассуждения, если бы сказали, что это делают какие-то люди или институты, пусть даже древние и могущественные (как Католическая церковь, например). Рамочной идеей статьи является то, что постулируемая трансформация – это онтологический процесс, а не политический. И в этом ракурсе вопрос становится еще острее – как все это понять, что за этим стоит, кто и зачем?

Скорее не для ответа, но для понимания уровня этого критически важного вопроса нужно прежде понять следующее. Вся даже не позитивистская, но присущая классической философии с Нового времени априорно положительная позиция в понимании сущего («лучший из миров») должна быть поставлена под вопрос. Если посмотреть глубже, то окажется, что эта позиция совпадает в своем источнике с монотеистической креационистской концепцией, являющейся, именно изнутри этой позиции, рамочной для философии во всей послеантической истории. Суть этой положительной рамки: мир изначально и по преимуществу хороший, потому что начало

(творящий) является хорошим. Вот эту рамку в конечном счете нужно несколько поставить под вопрос¹ – вот принципиальное требование.

Немного приоткроем, не вдаваясь в суть, непривычный и некомфортный вопрос «об изначальной положительности сущего». Во-первых, раз речь идет о сущем, то нужно констатировать, что сущее временно. В простом смысле: в сущем есть время как фундаментальный фактор. И уже здесь обнаруживается важный аспект, усиливающий онтологический смысл описываемой в статье ситуации.

Время – это не что иное, как описанная выше однородность в ее действии, отражающемся в сознании. Мы хотим сказать, что однородность зеленого в траве (смотрю на поле и вижу зеленое-зеленое-зеленое...) и однородность во времени – это не разные, но одна сущность. Мы видим зеленое, и это спасительное явление, мирообразующее во всем известном в истории смысле мира, дает нашему сознанию время – время как остановку, задержку перед тем, как сигнально-коммуникативное действие будет продолжено тем или иным путем. Вот я смотрю на поле и вижу однородно зеленое-зеленое-зеленое, это широкое и твердое, как земля, устойчивое и надежное значение, от которого можно оттолкнуться, становясь свободным. А указывая на него другому человеку, можно удостовериться, что он видит это же широкое и устойчивое, от которого мы теперь отталкиваемся оба и обретаем понимание, время, саму жизнь.

Но однородность не абсолютна. Она сама временна, она откладывание, а не абсолют – время временно. Время – это проявление однородности как действующей в мире принципиальной остановки или границы, притормаживающей действие разворачивающей мир (абсолютно по-гегелевски) языковой структуры, но не прекращающей это действие, делающей его ступенчатым. И всякая такая остановка, каждая граница сама останавливается и ограничивается – и движение возобновляется. Это и означает, что на уровне самого сущего должно произойти то же самое. В самом устройстве разумного известного нам мира заложено: однородность кончается и преодолевается. Это происходит в каждой капле, в каждой снежинке, в каждой жизни, и поскольку это фундаментальный принцип, это обязано произойти в самом сущем на уровне его устройства. Это и происходит, закономерно с точки зрения сущего, а не в нарушение его устройства, то есть вопреки упомянутой положительной позиции и принципиально не позитивно.

Конец однородности как онтологического свойства, образующего материальные вещи, ее преодоление в исторически финальной цивилизации, пусть даже на уровне, как кажется, исторически неестественных и волеустановленных вещей, технологий, законов и т.п. – это онтологически предопределено, заложено в сущем, и это буквально конец времени. Вся история сущего и все существующее есть некое временное условие, временный онтологический договор в проистекавшей и целенаправленной эволюции сущего, движения центрального в нем языкового начала. Цель этого дви-

---

¹ Этот вопрос рассмотрен в статье «Диалектика творения и проективная структура пространства» (Городецкий 2021).

жения приближается – и онтологический договор отменяется далее за ненужностью.

Пожалуй, можно сказать, что на заданный в начале этой части вопрос мы не ответили. Выделили еще один важный аспект, показывающий, что нужно для ответа, но не ответили. Тогда просто зафиксируем. Два вопроса – вопрос о субъекте описываемой трансформации сущего и вопрос о роли политических институтов, не являющихся субъектом, но слишком очевидно действующих в направлении этой трансформации и, стало быть, как-то остающихся в стороне от ее негативной цели – выходят за рамки настоящей статьи и должны быть рассмотрены отдельно.

Затронем распространенную внутри темы цифровизации проблему – трансгуманизм. Под ним подразумевается поэтапная трансформация человеческой природы, переходящая на саму человеческую сущность, то есть на сознание, и в итоге – исчезновение сознания, превращение человека в машину, точнее, информационно-программное звено. Как мы считаем, данный тезис и в целом позиция противников цифровизации, ставящая акцент именно на этой проблеме, критически искажают суть процесса (примечательно, что это искажение одинаково присуще и противникам, и апологетам цифровизации/трансгуманизма).

Дело в непонимании онтологии, распространенном позитивистском невидении сущего и его структуры. Отсюда непонимание онтологического статуса сознания, образующего его как принципиально внеинформационный и не редуцируемый слой в структуре сущего. Сознание не может «исчезнуть» – просто на уровне сущего. И оно не исчезает в «трансгуманизме». Оно лишается границы, ограждающей его от информационного слоя, и становится безгранично подверженным воздействию с его стороны. Но это и означает, что оно остается, оно живет.

Иными словами, дело не в том, что человек «расчеловечится», перестанет быть сознанием и станет как машина. Это, конечно, было бы ужасно. Равно как ужасно то, что многие современные люди с уже взломанным и в начальной степени сжатым сознанием, отказывающиеся от природы и сущностей вещей, от смыслов и логики (примеры выше с оператором, абсурдом и буквализмом) и принявшие позицию «путь будет что угодно, как скажут», могут принять и эту перспективу, могут *согласиться быть машинами* («будем как в компьютерной игре») – и это катастрофическое недоразумение, являющееся отчасти следствием принципиального непонимания и искажения проблемы дискурсом «трансгуманизма».

Дело в том, что то, что стоит за «цифровизацией», «трансгуманизмом» (равно как «информатизацией», «искусственным интеллектом», «социальной инженерией» и другими жонглируемыми понятиями, между которыми, в их настоящей сути, просто нет разницы), то есть трансформация сущего – нечто иное и, наверное, более ужасное, чем «быть машиной». Сознание становится *подконтрольным* как машина, но оно не становится машиной – остается в своем онтологическом месте и качестве, будучи абсолютно подвластным и страдательным звеном. Когда происходят

действительно трансформирующие человеческую природу процессы и мероприятия (целые программы), когда действительно осуществляется поэтапное расчеловечивание (без кавычек) на культурном, психологическом и даже биологическом уровнях – не уничтожается само сознание, но осуществляется тактическая функция. Проходится необходимый путь разрушения защищающей сознание смысловой и материальной структуры, по итогу чего открывается прямой доступ к нему.

На примере трансгуманизма видно, что имеющийся дискурс цифровизации и примыкающих к ней понятий и проблем в целом диверсифицирован, лишен основы. Речь идет о технических, антропологических, биологических, культурно-психологических, политико-правовых, образовательных проблемах как отдельных векторах, без понимания центральной, общей сути, которой в данной проблематике может быть только онтология. Это обусловлено, наряду с частными и политическими причинами, отчасти тем, какую роль в этом дискурсе и, что гораздо важнее, в самом деле цифровизации сыграла философия XX в.

Роль философии в цифровизации является положительной – положительной в смысле способствования цифровизации и онтологической трансформации. Это обусловлено позитивистской и «аналитической» позицией, воцарившейся в западной философии и гуманитарных науках в целом с начала XX в., с середины особенно. Скажем более, именно аналитическая философия как доминирующая в XX столетии философская традиция заключает в себе начало цифровизации, ее исходную теоретическую основу.

Когда аналитическая философия ставит задачей референцию «пустых» значений (Спешилова 2013) и создание математико-логически верифицированного универсального языка, мы видим в этом ту же самую, «пробивающую» сущее стратегию, о которой мы говорим – обознаться просто невозможно. Пусть даже о «сущем» или «материи» речь при этом не идет (разумеется), важен сам принцип: приведение языка в состояние полного соответствия реальности, что означает зеркально – подчинение реальности языку. Причем речь идет об этом приведении не только в теоретическом, но и прагматическом смысле – в смысле «проекта», практической задачи. Даже при изначально узком, как у Б. Рассела (Рассел 1982), понимании реальности (существующего) как исключительно эмпирико-физической данности, нельзя не видеть далеко идущий смысл этой идеи, особенно с учетом ее реализации в пересечении с математикой. Это настоящая философско-методологическая основа языковой экспансии.

У лингвиста Н. Хомского в его исследованиях «глубинной структуры», «структуры непосредственно составляющих», «трансформационной структуры» (Хомский 1962, 1965) предметом является некий «врожденный» синтаксис, по сути, математическая система, действующая изнутри, но независимо от естественного языка (заложенная в человеке на сознательном или биологическом уровне и активирующаяся, когда ребенок усваивает язык), что пересекается с упомянутой выше идеей универсального синтаксиса. Открытием Хомского является порождающая грамматика, общая для всех языков модель, принципиально расширяющая понимание языка как тако-

вого и позволяющая распространять его на различные по природе системы (возможно, что эта модель есть один из «ключей», о которых мы говорили). Важно и неслучайно, что открытия Хомского сыграли роль в развитии программирования.

Обознаться немного можно в случае философии деконструкции, наиболее значительным представителем которой является Ж. Деррида. Может показаться, что, провозглашая деконструкцию как проект «разборки концептуальных оппозиций» (Деррида 2000: 72) или *перестройки* языка как разумной семантической системы – через вытеснение неравенства и централизма фундирующей язык бинарной оппозиции типа «центр/периферия», «означаемое/означающее», «главное (смысл)/второстепенное» – и разоблачая *логоцентризм*, он ставит задачей противодействие языковому централизму/господству (в структуралистском смысле) и тем самым предотвращает языковую экспансию. Но получается наоборот. То, с чем Деррида борется и что деконструирует, это классическая трехслойная онтологическая структура с языком в центре. Направляя удар (условно говоря) на эту структуру и расшатывая ее, Деррида не предотвращает экспансию, но, наоборот, открывает ей путь, разрушая стоящие у нее на пути классические формы.

Философия, лингвистика и другие гуманитарные науки подготовили основу (в чем мы лишь для иллюстрации выделили несколько пунктов). Институты, политически ведущие цифровизацию, использовали эту основу. Философия далее, на том уровне технологических, политических и в целом цивилизационных достижений цифровизации, которые имеются на момент 2020-х гг., уже давно не нужна (с одной стороны, а с противоположной – представлена лишь внеонтологическим гуманитарным символизмом, вроде предупреждающей концепции государства «голой жизни» Дж. Агамбена), да и вряд ли сами деятели этих институтов, выполняющие каждый определенные задачи, понимают их общий философский смысл, видят онтологический рисунок.

Когда К. Шваб, этот высокопоставленный и в силу своего положения высокоинформированный автор, прогностически заявляет о «влиянии на самую суть человеческого опыта (experience)» и пишет в своей книге о «приведении к формам человеческого приращения, которые заставят нас поставить под вопрос саму природу человеческого существования» (Schwab 2016: 92), едва ли даже он до конца понимает, что на самом деле это означает. Когда историк Ю.Н. Харари, апологет трансгуманизма и проповедник датаизма¹, прямо говорит в своем выступлении на Всемирном экономическом форуме, что «это не разумный замысел какого-то бога над облаками, но наш разумный замысел – разумный замысел наших облаков (intelligent

---

¹ Концепция движения информации как абсолютной ценности, прямо позиционирующая себя в качестве становящейся религии и основывающаяся на софизме: движение информации – это жизнь, жизнь – это высшая ценность, следовательно, движение информации – это высшая ценность, то есть подчиняющая все исторические и человеческие ценности (Харари 2018: 446). Можно было бы назвать датаизм идеологией экспансии языка как онтологической трансформации, если бы эта позитивистская концепция позволяла подразумевать какую-либо онтологию.

design of our clouds)», и столь же прямо пишет: «Если человечество и впрямь является единой системой обработки данных, то каков ее конечный продукт? <...> Таковым станет новая, еще более эффективная система обработки данных под названием Интернет Всех Вещей. Как только эта миссия человечества будет выполнена, Homo Sapiens исчезнет» (Харари 2018: 446), пожалуй, следует отнестись к этой прямизне серьезно. Однако не думаем, что за ней стоит по-настоящему серьезное понимание (во всяком случае, понимание, отталкивающееся от рациональных категорий, а не находящееся в плену внерациональной догматики и уже состоявшегося безумия). Вряд ли этот, опять же высокоинформированный, но совершенно позитивистски (вне категорий сущего) мыслящий профессор видит что-то подобное онтологической трансформации, как она показана в нашей статье.

То, что мы показали, является, по нашему мнению, настоящей, без традиционно-религиозной символики и гуманитарного пафоса, онтологией абсолютного зла. Эта онтология, как мы видим, есть актуальный проект сущего. Глобальная борьба, происходящая сейчас, в активном режиме с начала 2022 г., это отчаянное, однако не бессмысленное, имеющее основание и источник противодействие данному проекту.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Городецкий М.В. 2021. Диалектика творения и проективная структура пространства // Идеи и идеалы. Т. 13, № 1-2. С. 357-376. DOI 10.17212/2075-0862-2021-13.1.2-357-376

Гуссерль Э. 2001. Логические исследования // Гуссерль Э. Собрание сочинений. Москва : Гнозис : Дом интеллектуальной книги. Т. III (1). 584 с.

Деррида Ж. 2000. О грамматологии. Москва : Ad Marginem. 520 с.

Кант И. 1994. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения : в 8 т. Москва : Чоро. Т. 3. 741 с.

Рассел Б. 1982. Дескрипции // Новое в зарубежной лингвистике. Москва : Радуга. Вып. 13. С. 41-54.

Спешилова Е.И. 2013. Логико-онтологические проблемы референции пустых терминов: версия Б. Рассела // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 9. С. 268-272.

Харари Ю.Н. 2018. Homo Deus. Краткая история будущего. Москва : Синдбад. 496 с.

Хомский Н. 1962. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Москва : Издательство иностранной литературы. Вып. 2. С. 412-527.

Хомский Н. 1965. Логические основы лингвистической теории // Новое в лингвистике. Москва : Прогресс. Вып. 4. С. 465-576.

Schwab K. 2016. The Fourth Industrial Revolution. Geneva : World Economic Forum. 172 p.

Stanley S.A. et al. 2016. Bidirectional Electromagnetic Control of the Hypothalamus Regulates Feeding and Metabolism / S.A. Stanley, L. Kelly, K.N. Latcha et al. // Nature. Vol. 531, iss. 7596. P. 647-650. DOI 10.1038/nature17183

References

- Chomsky N. Logical Foundations of Linguistic Theory, *Novoje v lingvistike* [Innovations in Linguistics], Moscow, Progress, 1965, vol. 4, pp. 465-576. (In Russ.).
- Chomsky N. Syntactic Structures, *Novoje v lingvistike* [Innovations in Linguistics], Moscow, Izdatel'stvo inostranoj literatury, 1962, vol. 2, pp. 412-527. (In Russ.).
- Derrida J. *Of grammatology*, Moscow, Ad Marginem, 2000, 520 p. (In Russ.).
- Gorodezky M.V. The Dialectic of Creation and the Projective Structure of the Space, *Idei i idealy* [Ideas and Ideals], 2021, vol. 13, no. 1-2, pp. 357-376. (In Russ.). DOI 10.17212/2075-0862-2021-13.1.2-357-376
- Harari Yu.N. *Homo Deus. A Brief History of Tomorrow*, Moscow, Sindbad, 2018, 496 p. (In Russ.).
- Husserl E. Logical Investigations, E. Husserl *Sobranie sochinenij* [Collected Works], Moscow, Gnosis & Dom intellectualnoj knigi, 2001, vol. III (1), 584 p. (In Russ.).
- Kant I. The Critique of Pure Reason, I. Kant *Sochinenija v 8 t.* [Essays in 8 vols], Moscow, Choro, 1994, vol. 3, 741 p. (In Russ.).
- Russel B. Descriptions, *Novoje v zarubezhnoj ligvistike* [Innovations in Foreign Linguistics], Moscow, Raduga, 1982, vol. 13, pp. 41-54. (In Russ.).
- Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. Geneva, World Economic Forum, 2016, 172 p.
- Speshilova E.I. Logical and Ontological Problems of "Empty" Terms Reference's: Version by B. Russell, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2013, no. 9, pp. 268-272. (In Russ.).
- Stanley S.A., Kelly L., Latcha K.N. et al. Bidirectional Electromagnetic Control of the Hypothalamus Regulates Feeding and Metabolism, *Nature*, 2016, vol. 531, no. 7596, pp. 647-650. DOI 10.1038/nature17183

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марат Викторович Городецкий

доцент кафедры философии и истории Сибирского университета потребительской кооперации, г. Новосибирск, Россия;
ORCID: 0009-0006-0783-0770;
ResearcherID: HSF-0167-2023;
SPIN-код: 6535-9796;
E-mail: monheim@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marat V. Gorodezky

Associate Professor, Department of Philosophy and History, Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk, Russia;
ORCID: 0009-0006-0783-0770;
ResearcherID: HSF-0167-2023;
SPIN-code: 6535-9796;
E-mail: monheim@list.ru